

Марта Заозерная

ИЗМЕНА

Ты меня выловишь

Марта Заозерная

Измена. Ты меня вылечишь

<https://litres.ru/74597987>

SelfPub; 2026

Аннотация

Узнав об измене мужа, я совершила ошибку. Последствия этой ошибки — вся моя жизнь, которую пришлось начать заново.

– Лена Ты не представляешь, как всё запутано, – обращается муж к любовнице. – Я вас обеих люблю.

Повисает лютая тишина.

Что, Леночка, не ожидала такой подставы?! Я тоже.

Муж пробивает дно в рейтинге самых абсурдных оправданий и ничемных признаний.

Меня передергивает от отвращения.

– Ты издеваешься?! – Леночка, похоже, разделяет мое мнение, начиная на него орать. – Ты же сам обещал мне бросить жену! Говорил, что она бесчувственная ледышка! Замороженная рыбина! Не обращает на тебя никакого внимания!

– Лена, это значит, что Боря хочет усидеть на двух стульях, – горько усмехаюсь. – Плохо ты его обработала, раз мужик не сбегает к тебе сломя голову.

– Арина, я тебе всё объясню – голос мужа хрипит.

Объяснит? Мне оправдания уже неинтересны, как и он сам.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марта Заозерная

Измена. Ты меня вылечишь

Глава 1

– Арина, когда ты уже перестанешь заниматься этими глупостями? – спрашивает муж недовольно, когда ко мне подходит фотографироваться группа молоденьких девушек.

Меня все чаще узнают на улицах, и это его злит?

Разглядываю лицо любимого. Глаза сужены, а губы сжаты в тонкую жесткую линию. Значит, я не ошиблась. Вот только в чем причина?

Надо признать, несколько лет работы на телевидении не дали мне той популярности, которую я получила, заведя в сети личный кулинарный блог. Всё начиналось с небольших роликов, в которых мелькали только мои руки, а потом, совершенно спонтанно, подписчики попросили «дать больше жизни», и понеслось.

Думаю, к концу года смогу добраться до планки в миллион подписчиков.

– Фуд-блогер – это что за профессия такая вообще?! – психует, не дождавшись от меня никакой реакции. – Чушь собачья! Ты зря тратишь время!

Он знает, как мне нравится кулинария, и хотя бы поэтому я имею полное право заниматься любимым делом, тем более от Бори мне дано поддержка не требуется. К тому же в последнее время ко мне все чаще стали обращаться за рекламой, что приносит неплохой доход, пусть и несопоставимый с заработками мужа.

– Борь, ты сам попросил меня уволиться с работы, – напоминаю спокойно. – Журналистика тоже тебя не устраивала как специальность?

– Меня не устраивало, что вокруг тебя мужики похотливые терлись постоянно! Но ты, видимо, не можешь себя не выставлять напоказ! Так и тянет засветить свою красивенькую мордашку! Не думал, что для приготовления борща нужно себя во всей красе показать! – рявкает, с силой ударяя кулаком по крышке багажника, хотя та и так уже почти закрылась.

– Начиная встречаться, ты знал, что я веду утреннее шоу, – из последних сил держу себя в руках. – Знал, что мне нравится моя работа, и общение с людьми в частности.

Я далеко не покладистая кошечка, но сегодня важный день. Нам предстоит выход в свет, и мне не хотелось бы на юбилее свекрови выглядеть разгневанной пантерой со вставшей на дыбы шерстью и горящими от злости глазами.

– И что с того?!

– А то, что думать нужно было! – непроизвольно повышаю голос. – Если не нравится...

– Ариш, остановись, пока глупость не сморозила, – его тон резко меняется, становясь примирительным. – Я, вообще-то, о детях хотел поговорить. Думаю, нам пора становиться родителями, и каждодневные съемки будут мешать материнству.

– Думает он, – фыркаю, ощущая, как уровень адреналина в крови резко возрастает.

Муж умеет остывать так же быстро, как и заводиться, я же...

Мягко говоря, полная его противоположность.

Меня очень тяжело вывести из себя, для этого нужно бить точно в цель – Боря в этом первоклассный спец, но успокоить разгневанный пыл еще тяжелее. Сутками могу кипеть, прикладывая огромное количество усилий для укрощения своего темперамента.

– Всё, не злись! Если ты забыла, у матери сегодня день рождения.

Похоже, он задался целью меня взбудоражить.

– Ты издеваешься сегодня, что ли? – приподнимаю вверх коробку с аппетитными эклерами, и тонкий аромат шоколада мгновенно в нос проникает. Любимый десерт моей второй мамы. – Это ты, по-видимому, забыл, что этот праздник я организовываю! От и до! Ты со мной даже закуску для фуршета не поехал выбирать, очень был занят очередным проектом вселенского масштаба.

– Риш, не злись, – он примирительно приобнимает меня

за плечи. – Знаешь же, работы полно сейчас. Сезон в самом разгаре.

– У тебя сезон круглый год, что за дурная привычка провоцировать меня на ссору? – бурчу, когда муж открывает для меня пассажирскую дверь своего внедорожника, стараюсь успокоиться, но выходит с трудом.

Несмотря на нашу короткую перепалку, праздник проходит прекрасно. Гости и родители мужа остаются довольны. Всё, начиная от бармен-шоу и заканчивая выступлением танцующего художника, находит отклик у присутствующих.

Распахнув объятия, ко мне приближается свекровь, сияя ослепительной улыбкой.

– Ариша, девочка моя, спасибо тебе большое! У меня никогда таких праздников не было! – смахивает со щеки несколько слезинок, думая, я не замечаю внезапной сырости, подступившей к её глазам.

Обнимаю в ответ, ощущая, как мягкое тепло по груди разливается.

С десяти лет меня воспитывал отец. Забота о девочке ему давалась с трудом. Родитель старался как мог, но моя израненная предательством матери душа требовала большей ласки, заботы и внимания, чем мог дать достаточно скупой на эмоции мужчина.

В одной из командировок мама встретила обеспеченного иностранца и больше к нам не вернулась.

Помню, как папа стеснялся мне в этом признаваться. Мялся и с трудом подбирал слова, то и дело прочищая горло. Даже став взрослой, я слабо себе представляю, насколько унижительны такие моменты.

Мы справились, и всё же боль до сих пор живет внутри.

Я никогда не посещала психолога, но подозреваю, что внутренне всё ещё нуждаюсь в материнском одобрении и, не получая его, компенсирую это всеобщим вниманием и похвалой. Читая хвалебные комментарии, испытываю ни с чем не сравнимое чувство восторга и благодарности.

К чему это я?

Ольга Федоровна – моя свекровь – действительно стала для меня второй матерью, с первой встречи окружив меня таким коконом из тепла и заботы, что запищать от умиления и радости можно.

Мне очень хотелось ответить ей тем же.

Продолжаем стоять обнявшись, пока она пылко делится своими впечатлениями.

– А торт будет, Ариш? – спрашивает у меня шёпотом.

– Конечно! – заверяю с улыбкой. – Сейчас я только Борю найду, и вы увидите сладкого красавца!

Мы с ним договорились устроить свекрови ещё один небольшой, но приятный сюрприз.

Обернувшись, окидываю взглядом толпу приглашенных гостей, высматриваю своего мужа.

Он словно сквозь землю провалился. Уже целый час не

могу его найти, хотя Борис обещал постоянно быть на подхвате.

За всеми приходился лично следить. Нанятый для торжества персонал пытается отстояться в укромном уголке, чтобы поменьше времени уделить гостям, постоянно нуждающимся то в бокале шампанского, то в стаканчике с холодной водичкой.

Проводив свекровь к гостям, иду в дом. Шестым чувством ощущаю, что сейчас мужа встречу.

Неужели снова включил себе какую-нибудь спортивную программу и позабыл обо всем на свете?! Отдых он предпочитает лежачий, аргументируя это тем, что физической активности ему и на работе хватает. Можно подумать, он лично со своими работягами на стройке трудится.

Холл встречает меня тишиной. Уже собираюсь его окликнуть, как поблизости – со стороны гардеробной – раздается знакомый писклявый голосок:

– Боря, милый, ну когда мы уже во всем признаемся тебе! Высокомерной курице? Надоела она мне! Строит из себя непонятно кого, а на деле даже родить для тебя не способна!

Глава 2

Удушающий спазм блокирует легкие, не позволяя вдох сделать. Как же так? Я не понимаю, что происходит.

Там мой муж?! Это я «высокомерная курица»? Серьезно?

Прикрыв глаза, я медленно считаю до десяти, напоминая себе, что сегодня день рождения замечательного человека, и впадать истерику совершенно негоже.

Вот тебе и устроила подарок свекрови...

Жду. Даю Боре последний шанс повести себя по-мужски, а ещё... вдруг там не он, а кто-то другой?

Мысленно я уже просмотрела весь список приглашённых и не нашла в нем тезки своего благоверного, но всё-таки дурацкая привычка идеализировать людей дает о себе знать. До последнего надеюсь на какую-то глупую случайность.

– Лена... Ты не представляешь, как сильно всё запутано... – слышится тяжелый вздох, разрушающий хрупкую надежду. Ошибки быть не может. У моего мужа есть любовница. – Я вас обеих люблю.

Повисает лютая тишина. По-прежнему стоя за дверью, я чувствую, как между голубками растет напряжение.

Что, Леночка, не ожидала такой подставы?! Я тоже.

Муж пробивает дно в рейтинге самых абсурдных оправданий и никчемных признаний.

Узнаю его голос безошибочно, а вот восприятие слов мне дается с трудом. Что значит: «Вас обеих люблю»? Это как? Разве может взрослый, состоявшийся человек сморозить такую откровенную глупость?

Меня передергивает от отвращения.

– Ты издеваешься?! – Леночка, похоже, разделяет мое мнение, начиная на него орать. – Ты же сам обещал мне бросить жену! Говорил, что она бесчувственная ледышка! Замороженная рыбина, не обращающая на тебя никакого внимания! Что значит любишь? Я тебя не понимаю!

Лучшая подруга моей золовки переходит на ультразвук. У неё и так голос противный, а в крике и вовсе грозит перепонкам разрывами.

Я не выдерживаю, позабыв, где нахожусь, толкаю увесистую дверь и являю себя влюбленным.

– Лена, это значит, что Боря хочет усидеть на двух стульях, – горько усмехаюсь, переводя разочарованный взгляд с малолетней вертихвостки на своего пока что супруга. – Плохо ты его обработала, раз мужик не сбегает к тебе сломя голову.

– Арина... – голос мужа хрипит.

Серьезно? В самом деле ожидал, что, притащив свою любовницу на семейное торжество, сможет остаться чистеньким и не спалиться?

Алены – моей золовки, тут нет, соответственно, и её подруги тут быть не должно. В список приглашенных мама её не включала. Значит, Боря сам расстарался.

– Борис, скажи ей! – любительница чужих мужей прика-
зывает козлу со мной разобраться, сама же торопливо за-
стегивает пуговички на своем довольно плоском декольте. –
Скажи ей всё, что говорил мне за последние полгода! Живо
признавайся!

Я, конечно, чувствую себя ужасно, словно помоями ока-
тили из бездонного ведра, но девица тоже выглядит жалкой.
Ума не хватает понять, что просто так муж от меня не уйдет.

– Лена, проваливай, – просит он, взяв себя в руки.

– Ну что ты такой грубый, пусть остается, сам же её по-
звал, – зло сверкаю глазами. Руки чешутся ударить его по
лицу. – На тортик, наверное.

Борис чертыхается.

– Арина, я тебе всё объясню.

Давлюсь нервным смешком.

– Не стоит себя утруждать. Я более чем понятливая.

– Не устраивай скандал, очень тебя прошу. У моей мате-
ри...

Его циничность меня обезоруживает.

– Скажи мне на милость, почему ты не задумывался о сво-
ей маме, когда притащил на её праздник свою любовницу, а
я должна печься? Как ты это себе представлял? Пока я заня-
та подготовкой и проведением праздника, ты развлекаешься
со своей шлюхой, а потом мы вместе едем домой?

– Я не шлюха! – взвизгивает Лена.

– Рот свой закрой! – произносим в один голос с мужем.

На удивление у меня нет вопросов к девице. Не она мне изменяла как минимум полгода. Да и, учитывая наши отношения с золовкой, а они ужасны, я не удивлюсь, если она лично попросила подружку соблазнить своего брата.

– Лена, уйди от греха подальше! Дура! – цедит Боря сквозь зубы. – Говорил же тебе не высовываться! – выглядит настолько угрожающе, что она вжимается спиной в стеллаж, заставляя его покачнуться. – Ариш, я тебе всё объясню, – снова ко мне разворачивается.

– Не утруждай себя. Я всё слышала. Любишь обеих... Ты сам придумал это, или вычитал где-то такую дурь? Так себе вариант, только разозлить и жену, и подстилку, – хмыкаю, заводя руку за спину. До ощутимой боли впиваюсь короткими ногтями в ладонь.

Под внешним спокойствием я вся горю... Это всё не со мной происходит...

Господи... Можно память стереть?

– Ариш, ты ведь не будешь нашу семью разрушать? – едва ли не с мольбой вглядывается мне в глаза. – Я без тебя жить не могу.

– И без нее тоже? – выпаливаю сердито, кивая в сторону Лены. Он молчит, глядя прямо мне в глаза. Вижу в его взгляде горечь от разоблачения, но не раскаяние. – Заешь, что, иди-ка ты к черту! Ещё пачкаться о тебя ненормального.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, и мне в след тут же летит его гневный оклик.

– Куда ты пошла? Мы ещё не договорили! Я ведь тебя тоже люблю!

Какой же урод...

– Ты меня любишь, а не её! – Лена начинает рыдать.

Не обращая на нее внимания, муж догоняет меня в коридоре и хватает за руку, больно дергая на себя.

– Тебе придется меня выслушать. У нас с ней, – пренебрежительно морщится, – несерьезно. Только секс.

– Что ты несешь, похотливое животное? – взвиваюсь. – Она с твоей младшей сестрой вместе в школу ходила! Со всем мозг растерял?

– Арина, Боренька, что тут происходит?! – за спиной раздается взволнованный возглас свекрови.

Глава 3

– Почему вы здесь, а не с нами на празднике? – продолжает задавать неудобные вопросы свекровь.

Застываю как вкопанная, не в силах двинуться. Меньше всего на свете мне хотелось портить праздник Ольги Федоровны. Она этого не заслужила! Светлый человек, заставивший меня поверить в доброту и искреннюю сердечность, что после предательства матери само по себе большое достижение.

Часто ли свекрови так хорошо к невесткам относятся? Не думаю.

По спине бегут капельки холодного пота, и это не от жары. Переживает ли Боря хотя бы наполовину так, как я? На его наглой роже вообще раскаяния не видно.

– Ну ты и козел! Доволен? – шиплю так тихо, чтобы только он слышал. – Стоила эта быстрая случка того, чтобы портить праздник любимого человека?

– Арина, помоги, – просит он вдруг, косясь в сторону своей мамы. – Я не знаю, что делать.... Уведи её на улицу, что ли.

Вот чудной... Честное слово, нахальства моему мужу не занимать!

Где это видано, чтобы мужики своим любовницам в глаза

говорили, что жену тоже любят, а спустя пять минут эту самую рогатую супругу просили помочь?!

Впервые попадаю в столь нелепую ситуацию, и даже не знаю, чему больше удивляюсь: самому факту измены или тому, как беспардонно себя муж ведет!

Думает, что я настолько глупа и не имею уважения к себе? Вообще ни капельки?

– А лед к твоим прищемленным яйцам не приложить? – наклонившись к его правому уху, произношу, не скрывая сарказма. – Давай уж как-нибудь сам. В трусы к малолетней шлюхенции без моей помощи забрался, а теперь так же независимо ищи путь обратно.

Божечки... И этого человека я всей душой любила... Так больно, что перед глазами мелькают яркие блики, я с трудом сдерживаюсь. Стою на самом краю грандиозной истерики.

И этот человек пару часов назад упрекал меня в неподобающем поведении?! Серьезно?! Хватало наглости?!

Пока мы пререкаемся с мужем, в коридор выплывает Елена Прекрасная. Верх её платья снова расстегнут, ярко-красное кружево бюстгальтера отчетливо бросается в глаза.

Вот уж дешевая актрисулька! На что рассчитывает? На жалость моей свекрови?

– Ольга Федоровна!.. – охает девка и мгновенно заливается краской, прикрывает ладонями грудь.

Мой взгляд непроизвольно тянется к имениннице, получить сердечный приступ на собственном дне рождения – бо-

лее чем ужасно. Наблюдаю за тем, как глаза свекрови наполняются пониманием.

– Лена, что ты здесь делаешь?! – произносит она чисто автоматически, ведь ответ уже знает прекрасно. – Арина... – переводит взгляд на меня. – Они...

В её голосе столько горечи, что мне становится обидно вдвойне.

Это же надо было так облажаться, Борюсь... Чтоб у тебя больше ни на кого не вставало!

– Я ничего не знаю, сама их только застала, – качаю головой.

В голове никаких дельных мыслей. Конечно, развод. Это единственное, чего мне сейчас хочется... Хотя... Ещё хорошенько помыться. Такое чувство, что я вся провонялась дешёвыми духами молоденькой подстилки.

«Вот это папа обрадуется, – отчего-то именно сейчас вспоминаю, как отец меня отговаривал от брака с Борисом. – Будет тебе ещё лет двадцать припоминать этого козла»

После свадьбы он ни разу не сказал и слова против Бориса, помог зятю с бизнесом, но я всегда чувствовала, что теплого отношения между ними нет. Не придавала этому значения, ведь отец и со мной никогда не носился, проявляя лишь снисходительность, дескать, девочка, что с нее взять.

– Ах ты гаденыш! – свекровь рывком дергается в нашу сторону.

Только сейчас замечаю в её руках небольшое полотен-

це для сервировки стола. Каким-то образом она умудряется звонко хлестнуть тканью Бориса по левой щеке.

– Вот уж удумал – грязь всякую тащить в родительский дом! – Впервые вижу её такой... злой и разочарованной? – Быстро выгони эту паскудину!

Делаю шаг назад, чтобы ей не мешать.

С трудом сдерживаю истерический смешок.

Я так старалась, искала лучшие в городе шоу-программы, а муж, играючи и сам того не желая, меня переплюнул.

– Ольга Федоровна, зачем вы так про меня? Мы ведь с вашей дочкой с первого класса... – Елена подает голос, но он быстро в испуганный визг переходит.

Снова попятившись назад, девица спотыкается о дверной порожек и плашмя растягивается по полу.

Это что вообще за девка такая неповоротливая? Дом у свекров просторный, ремонт свежий, но довольно старомодный, для мамы важно, чтобы ни пыль, ни запахи никуда не проникали, поэтому дверные проемы не имеют зазоров ни снизу, ни сверху. Да, непривычно, но глаза-то раскрыть можно пошире?

Девичий истощенный ор раскаленным лезвием проходится по моим расшатанным нервам. Мне её нисколько не жаль, знала, к кому в трусы лезла, знала, что Боря женат несколько лет, но очень хочется, чтобы она замолчала!

Закрываю уши ладонями и, перед тем как прикрыть глаза, замечаю свекра. Вместе с ведущим он прибежал в дом.

Этот праздник все точно запомнят надолго!

Сама не понимаю, как оказываюсь на мансарде. Затаившись, сижу в кресле до самого вечера. Скользящие по полу лучики провожают закат и мою убитую душу.

Уже, наверное, прошел час, как голоса на первом этаже стихли. Нужно было сразу уехать, но я не нашла в себе сил. Кое-как добралась до укромного местечка и затаилась.

До города километров тридцать, и я бы уже была дома, собирала вещички своего неверного муженька...

Представляю, как перед загрузкой в чемодан разрезаю все его дорогие сорочки на мелкие кусочки... Отчего-то такая перспектива меня воодушевляет.

Нужно выдвигаться домой и очистить свое жилище от ненужного хлама.

Минут пять уходит на то, чтобы найти мужа, который в скором времени окажется бывшим.

Он сидит на кухне в одиночестве и глушит вискарь.

– Счастлива, истеричка? – интересуется едко. – Испортила моей матери праздник...

Икает.

– Совесть имей, его твоя похоть испортила, – произношу равнодушно, стараясь не показывать истинных чувств. – Ключи от машины давай, – протягиваю руку.

– Ты пила, – напоминает мне, едва волоча языком.

– Отдай ключи от моей машины. – Ещё немного, и я его

ударю чем-нибудь потяжелее, чем полотенце.

— От моей... — перекачивает он слова на языке. — Надо же, как мы заговорили, — усмехается пьяно. — Если подашь на развод, делить будем всё, что в браке нажито.

— И почему я не удивлена? — произношу задумчиво. — Ладно, черт с тобой, такси вызову. А после посмотрю, как ты будешь моему отцу заливать о том, что собрался судиться за подаренную им квартиру и машину.

Раньше внешность мужа мне казалась мужественной, а сейчас... Слизняк слизняком. И в это я была влюблена?

Такси, как назло, приходится долго ждать. Успеваю и со свекрами попрощаться, и подружке своей написать, сообщая, что приеду с ночевкой.

Сидя на заднем сиденье, откидываю голову назад и прикрываю глаза. Слезы сами катятся из-под опущенных век. Жгут кожу. Я очень стараюсь быть сильной, как папа учил, но ничего не выходит.

— Вот сумасшедшие, — бурчит водитель, съезжая на гравийный участок дороги. — Гравийкой машину мне всю помнут!

Открыв глаза, я сразу понимаю, о чем он говорит.

Из темноты в глаза ударяет свет фар. Машина, едущая навстречу, сокращает расстояние между нами с ужасающей скоростью.

Таксист пытается податься вправо, но мы, как в злой час, к

ремонтируемому мосту подъезжаем. Водители спецтехники на ночь здесь стоянку для своих большегрузов организовали, свободного места катастрофически мало.

Как в замедленной съемке наблюдаю за тем, как неизвестный водитель, вильнув в сторону, сломя голову несется на нас. На подъезде, правда, он старается перестроиться, но не успевает, всё-таки допуская лобовое столкновение.

Непередаваемый ужас, визг тормозов, скрежет разрываемого металла и оглушающий хлопок разорвавшихся подушек безопасности – это всё, что успевает отложиться в памяти перед тем, как испытать невыносимую боль во всем теле.

Глава 4

Издав тихий стон, с трудом открываю глаза. Картинка плывет. Всматриваюсь в потолок, пытаюсь понять, где нахожусь.

Лишь адская боль во всем теле дает понимание: пока что жива. Рада ли этому? Не уверена.

Плотный занавес из боли, страха и паники не дает собраться с мыслями. Пытаюсь что-либо вспомнить, но кроме отчаянного скрежета тормозов ничего на ум не идет.

«Авария, – короткий, яркий флешбэк отупляющим холодом проносится по коже.

С трудом приоткрыв рот, выдыхаю, а повторно набрать воздуха в легкие не выходит. Снова начинаю паниковать.

Что вообще со мной происходит? В каком я нахожусь состоянии? Если всё плохо, и я осталась калекой, то мне такой жизни не нужно. Для чего? Чтобы страдать?! Ну уж нет!

Замерев, лежу какое-то время. Осознаю, насколько мне не нравится испытывать жалость к себе. Даже не попробовав разобраться, я теряю надежду.

Разве так можно?!

Во второй заход пытаюсь осмотреть палату. Никого рядом нет.

«Как и всегда, Арин. На что ты рассчитывала? Думала,

отец бросит все дела и приедет лить слезы рядом с твоей палатой?!»

От абсурдности такого предположения сдавленно усмехаюсь и тут же жалею. Грудную клетку словно огнем обдаёт.

Скорее всего, сломаны ребра.

Если правильно припоминаю случившееся, то мне можно радоваться, что голова на месте осталась, потому что машина за долю секунды превратилась в месиво. В кровавое месиво.

Прислушиваюсь к своему телу. Пытаюсь пошевелить негнущейся рукой. Это теперь навсегда так, или я просто забыла, как моторика действует?

Честно, ни о чем больше не могу думать, кроме как о том, что я недееспособной останусь. На. Всю. Жизнь.

Самостоятельно я из авто не смогла выползти, хотя и пыталась...

Неожиданно в палате включается свет, и яркая вспышка вырывает меня из спутанных воспоминаний.

– Почему сиделка отсутствует?! – грубый мужской голос раздается поблизости.

– Наверное, отошла в убор... – оправдывающаяся девушка натывается на мой заинтересованный взгляд и громко охает. – Евгений Борисович, она... – гремит подносом, резко вскидывая его в мою сторону.

Мне ничего не остается, кроме как уставиться на странную парочку, пошире глаза распахнув.

Судя по обстановке в палате, папа запихнул меня в элит-

ную клинику, только толку, если персонал тут, мягко говоря, странненький. Наша зрительная перестрелка длится недолго.

Обернувшись к коллеге, мужчина отдает глухой приказ, содержания которого я разобрать не могу, а после – делает шаг ко мне.

– Арина Даниловна, как вы себя чувствуете? – начинает он с ходу.

Мужчина лет сорока пяти, бледный, тяжеловесный коротышка, из яркого в нем – только усы, темные, почти что черные. За них, почему-то, и цепляюсь взглядом.

Когда я была маленькая, у папы были такие же. Я так хотела, когда он щекотал меня ими, чмокая перед сном в щеку. А он злился, считая, что я не усну, если буду излишне веселиться в позднее время.

Приятные воспоминания отвлекают меня от всего того кошмара, в котором я очутилась проснувшись. К сожалению, ненадолго.

– Арина Даниловна, – напоминает о себе врач.

– Я вас слышу, – шепчу пересохшими губами. Воспаленная кожа натягивается, и я болезненно морщусь.

– Подождите, сейчас воду подам. Сделайте для начала всего один глоток. Приношу извинения, сразу нужно было предложить, – сетует он, направляясь к изголовью кровати.

– Девочки должны были смачивать губы, – подает голос девушка.

– Почему ты до сих пор здесь?! Сказал же: срочно всех сюда позови!

Мужчина резко оборачивается и награждает девушку убийственным взглядом. Бедняжка, похоже, от испуга роняет поднос. Громкий звук металла, ударяющегося о твердую поверхность, проходится лезвием по моим нервам. Вздвигнув, я зажмуриваюсь.

На этот раз страх перекрывает все остальные чувства, даже боли не ощущаю. Умом понимаю, что опасности для меня нет, но сердце заходится в бешеном ритме. До тошноты.

– Пошла вон отсюда!

Выставив её за дверь, мужчина снова возвращает свое внимание ко мне.

– Приношу извинения за действия персонала...

Пропускаю его слова мимо ушей, раздумывая над тем, почему я такая везучая? Нет, честно. Мама меня бросила, тем самым прочно забив в сознание комплекс неполноценности – сложно ощущать себя равной другим, когда самому, казалось бы, родному человеку нет до тебя дела. Муж изменил, тайком развлекаясь с молоденькой девчонкой. Я даже ноги унести достойно не смогла – попала в аварию. И, как вишенка на торте – паническое расстройство на фоне перенесенного стресса.

Меня сложно назвать удачливой особой, не правда ли?

Отчего-то мне становится не по себе: в душу закрадывается непонятное, странное чувство... Требуется пара секунд,

чтобы понять — я была настолько шокирована своим состоянием, что не вспоминала о Борисе до этой секунды.

Известие о том, что муж изменяет, затмилось другим, более существенным.

— Где мой муж? — шепчу после того, как мужчина всё же помогает мне сделать небольшой глоток воды.

Долю секунды он мнется.

— Ожидает в коридоре. Он у вас очень заботливый. Вы здесь находитесь уже неделю, и я не уверен, что он хотя бы раз отлучался. Сиделке было велено позвать медиков и предупредить его сразу же, как только вы придете в себя. После того как мы проведем осмотр и удостоверимся, что вы в состоянии принять посетителей, он зайдет в палату, — заканчивает осторожно.

— У меня будет к вам просьба. Не впускайте его, — произношу, забыв о боли, с которой дается каждое шевеление. — Желательно вообще выставьте из больницы и позвоните моему отцу. Номер я продиктую.

Врач смотрит на меня с сомнением, очевидно, считая, что я не в себе.

Как же Боря всё круто обстряпал! Решил воспользоваться ситуацией и умолчать о случившемся? На что был расчет? Что у меня, как в кино, амнезия случится? Нет, так легко он не отделается! И пусть я сама не в состоянии, но папа-то точно от него и мокрого места не оставит, как только узнает о том, как его зять развлекается.

Глава 5

– Малышка, я так за тебя испугался, – сквозь сон не сразу понимаю, что происходит, а лишь когда тыльной стороны ладони касается теплое знакомое дыхание.

Вздрагиваю и распахиваю глаза.

Черт! Ну как же так! Я ведь просила...

Понимаю, Боря оплатил мое пребывание в вип-палате больницы, как и дорогостоящее лечение лучшими препаратами, а кто платит – тот и заказывает музыку, но все равно неимоверно злюсь. Почему нельзя было прислушаться к просьбе пациента?

В голове кавардак, мне сложно сконцентрироваться на чем-то, ощущаю перманентно апатию и раздражение.

Постоянно в голове всплывают вопросы: «А если...», «а что было бы...» Множество разных, но каждый всё сильнее тянет меня на дно. Физическая боль меркнет на фоне катастрофического отчаяния и отсутствия веры в собственные силы.

Конечно, врачи заверили, что шансы есть, но что им ещё оставалось делать? Добить, сообщив, что на всю жизнь я ка-лекой останусь? Из целых конечностей у меня только левая рука. Ноги и вовсе словно не мои...

После того активного образа жизни, который я вела – это

почти приговор.

Оторвав голову от подушки, вижу мужа. Он пристально смотрит на меня, на губах мелькает легкая улыбка, такая, словно он утром перед работой решил меня разбудить и пожелать хорошего дня. Привычный, ни к чему не призывающий ритуал. Так было когда-то...

Осторожно убираю целую руку подальше от него.

Как же мне худо... И без него было тошно, а теперь, увидев его наглуую, здоровую, ничем не изувеченную рожу и все выворачивает наизнанку.

– Убирайся отсюда подальше, – ощущаю, как мое лицо начинает пылать. – Как ты тут вообще оказался, уродец.

– Что за женщина?! – он деланно возмущается. – Ты даже в таком состоянии продолжаешь скандалить!

– Ты серьезно сейчас или просто пытаешься дурачком притвориться? – невзирая на боль, приподнимаюсь немного, чтобы лучше его разглядеть. – Я из-за тебя здесь оказалась! Ты свое хозяйство не смог удержать в трусах, испортил матери праздник, и мне жизнь заодно, а теперь я виновата?! Катись к своей Леночке. Пусть утешает страдальца.

Пытаюсь говорить уверенно, но из-за отсутствия сил голос то и дело срыгается.

Борис поднимается на ноги, нервно ерошит волосы. Выглядит крайне раздосадованным, надо же... Надеялся выехать за счет моих чувств? Так их нет больше! От одного его прикосновения воротит, как от навозной кучи.

– О чем ты, родная? Я за тебя испугался, Ариш. Безумно. Места себе найти не мог с того самого момента, как мне позвонили из больницы... – выглядит крайне несчастным. И не стыдно? – Не нужна мне никакая Лена. Я хочу вернуть нашу семью.

Усмехнувшись, чувствую острую боль в позвоночнике и падаю на подушки. Ну какую семью?! О чем он говорит?! Неужели хотя бы одна женщина в здравом уме прощает подобное?

– Бойся за себя лучше, – шепчу. – Ты отцу моему позвонил? Почему он до сих пор не приехал?

Да, у нас сложные отношения. Многие годы в жизни отца главенствующую роль занимает служба и бизнес, достижение поставленных целей – в какой-то момент он словно решил доказать матери и всему миру, что может достигнуть огромных высот, и отлично справился с этой задачей, но все же он не мог никак не отреагировать на несчастье, случившееся со мной. Я его единственная дочь. После развода с матерью он больше не женился и серьезных интрижек тоже не заводил.

Мы с ним очень похожи, нам проще боль в себе перемалывать, наглухо закрывшись от всего остального мира, поэтому при внешнем безразличии, я уверена, предательство любимой его глубоко ранило.

Муж не отвечает на вопрос, и мне приходится повторить.
– Где отец?!

– В Германии, – Боря стреляет в меня глазами. – Важная конференция, я не стал его расстраивать перед поездкой.

– Ты совсем дурачок? Расстраивать – это когда деревья в саду посохли, крыша протекать стала или живность болеет, а я его единственная дочь! И я хочу видеть его здесь! Он мне нужен!

– Для чего? Чтобы на меня пожаловаться? – выдает раздраженно. Надолго его приторности не хватило. – Арина, давай как взрослые люди поговорим. В нашей ситуации это неизбежно. Тебе придется меня выслушать. Если бы не сбегала сразу, ничего бы не случилось.

– Ах, это я, значит, виновата? И в чем же? В том, что не захотела быть причастной к грязи, которую ты развел? Какой же ты мерзкий! Как я раньше этого не заметила?!

Внутри меня закипают обида и злость, но выхода из-за беспомощного состояния найти не могут.

– Да все мужики изменяют, что ты как маленькая?! Реагируй все так же, как ты, человечество уже бы вымерло! Подумаешь, трахнул девицу пару раз, – вот и поперло из него гнилое нутро. – Сбросил пар и вернулся в семью. Я бы ни за что тебя не бросил, – признается горячо.

– Ещё бы! Красивая, хозяйственная жена, к тому же из хорошей семьи и при деле, кто откажется? Ты дуру из меня не делай, пожалуйста. Одного идиота в семье – за глаза. Ты и сейчас за меня продолжаешь держаться, потому что, как только приедет папа, твои драгоценные яйца на яичницу пу-

стоят и тебе же скормят. Думаешь, я не понимаю, к чему ты развел этот цирк?!

О чем он вообще? Неужели не видит, что мне вся эта суета дается с трудом?!

Хотя о чем это я? Думает Боренька только о себе и своей шкуре.

Он продолжает распинаться на тему: «С Леной была небольшая интрижка, и она уже в прошлом», а я что есть сил долблю по кнопке вызова персонала. Как только на пороге появляется перепуганная медсестра, произношу:

– Телефон принесите. Любой и поживее. – Хотела ведь похорошему, просила их отцу позвонить, но раз нет, никогда не поздно включить режим циничной стервы.

Глава 6

После разговора с отцом становится немного легче.

Пытаюсь убедить себя, что с его приездом мне станет еще легче.

«Проблемы отступят, и жизнь потихоньку начнет налаживаться», – прокручиваю слова как мантру.

На самом деле, страх нисколько не отпускает, скорее, напротив, прорастает во мне, впиваясь мерзкими липкими щупальцами в самую душу.

Я не могу ходить, да что там, даже немного пошевелить ногами не выходит. Подолгу смотрю на свои безвольно по-

коящиеся на постели конечности, и отчаяние раскаленным клинком пронизывает сердце.

Чем дольше смотрю, тем хуже становится.

Прикрыв глаза, облизываю пересохшие губы.

Я думала, что апогей боли случился чуть ранее, когда застала мужа с любовницей. Но нет. Ошиблась.

Сейчас стало ясно: его измена – сущий пустяк.

Плевать! Подумаешь, трагедия!

Мне нравилось быть замужем за Борей, как бы странно это ни прозвучало в сложившейся ситуации. Нравилось до того момента, пока он не решил блеснуть своими талантами дамского угодника:

«И тебя, Леночка, люблю, и жену»

Он не всегда был таким. Первые месяцы после нашего знакомства Боря красиво ухаживал, ждал меня рядом с офисом телецентра, в котором работала на тот момент. Провожал до дома, вернее, сопровождал, потому что я сама водила машину, дарил цветы, заказывал завтраки, утверждая, дескать, я постоянно тороплюсь на работу голодной, не успеваю приготовить что-либо.

Так оно и было. И его внимательность в какой-то момент покорила.

Ума не приложу, зачем вспоминаю об этом теперь. Пройденный ведь этап, я никогда его не прощу. Несмотря на разрозненность чувств, осознаю, что простить не смогу.

Безрезультатно ворочаюсь, стараясь принять более удоб-

ную позу. Со мной должна сиделка находиться, ненаглядный мой оплатил, но я её выгнала. Таких тупых девиц ещё поискать. Или я слишком строга?

Надо признаться, восторга во мне клиника не вызывает. Жду не дожусь, когда смогу напеть отцу обо всех своих тяготах. По телефону не стала, чтобы не расстраивать его излишне. Зачем? Находясь далеко, он ничем не сможет помочь.

Когда я до отца дозвонилась, он действительно в Германии находился, но, как только услышал мой голос, сразу всё понял и, не дожидаясь окончания разговора, гаркнул помощнику, чтобы тот организовал перелет обратно на родину.

Он у меня ершистый, порою излишне грубый, вечно недовольный окружающими и их тупостью, но надежный словно скала. Лежа в четырех стенах, как никогда остро ощущаю его нехватку.

Из коридора доносится шум, рядом с палатой кто-то приглушенно спорит. Я убито прикрываю глаза, понимая, кого увижу в скором времени.

Проходит десяток секунд, и дверь действительно приоткрывается. В проеме замечаю знакомую макушку.

Боже, дай мне сил!

Стреляю в него недовольным взглядом, другого оружия нет. Остервенело полосую его глазами.

– Можно войти? – мнется на пороге.

А что так робко? Неужто с тестем поговорил по душам?

Отец редко скупится и подбирает щадящие выражения, особенно если зол. Последний раз я видела родителя уязвимым в детстве, уход матери его закалил, превратив в вольфрамовый сплав.

Представляю, какими хлесткими выражениями он наградил Бориса за неуместную скрытность.

Жалко ли мне мужа? Нет, сама бы добавила, но силы лень тратить.

– Если я скажу: «Нет», ты уйдешь? – уточняю глухо.

Вместо ответа он проходит в палату.

Кто бы сомневался.

– Сегодня ты выглядишь более румяной, – опускается на самый край постели. В нос ударяет запах парфюма, и я морщусь. Сама выбирала, а теперь мутит. – Подписчики передавали тебе привет. Представляешь, нашли откуда-то мой номер. Просто шквал звонков обрушился. Всех интересуется, куда ты пропала.

Он говорит настолько мягко и проникновенно, что можно подумать, его измена мне померещилась. Голос пропитан заботой, а взгляд нежностью.

Только вот внутри меня ничего не отзывается. Всего лишь ещё раз убеждаюсь в том, что люди лживы и изворотливы. Можно в глаза говорить что угодно, клясться, божиться, обсыпать задушевыми признаниями, а в следующую секунду вогнать нож в спину.

– И как ты им объяснил мое исчезновение? Правду ска-

зал?

Я так разбита, что редко вспоминаю о деле, которому посвятила все последние годы. Не представляю, как буду продолжать, если так и останусь калекой.

– Обрисовал в общих чертах. Если хочешь, помогу пост написать? – предлагает, заглядывая мне в глаза.

– Как ты думаешь, Борь, мне есть дело до медийной стороны жизни? Если ты не заметил, я ходить не могу, пошевелиться не могу, не испытывая при этом боли. Как думаешь, мне есть дело до волнения публики? – отвечаю язвительно.

Беспомощность душит. Почему я?

Этот моральный урод сидит рядом как ни в чем не бывало, а я...

Подношу левую руку к лицу, касаюсь губ, стараясь совладать с эмоциями.

Годы обучения на журфаке, а после – работа на телевидении, научили меня держать эмоции под контролем, но сейчас не удастся. Смахиваю со щеки непрошенные слезы, злясь на себя за слабость.

Муж проглатывает колкость, всего на долю секунды позволяя себе задержать на мне растревоженный взгляд. После достает из кармана небольшую кожаную коробочку кремового цвета с эмблемой хорошо известного ювелирного дома.

Перевязанная шелковой лентой, она выглядит изумительно. Так бы я раньше решила, до того, как узнала о его развлечениях на стороне. Сейчас же его попытки всё исправить

выглядят дешево.

– Я невероятно тронута твоей щедростью, но подари этот хлам Леночке. Или ты решил со мной проконсультироваться, какое колечко будет лучше смотреться на её тоненьких пальчиках?

– Зачем ты так, Арин? Я хочу все исправить, малышка. Был неправ, больше такого не повторится. Я с ней порвал. Лучше б молчал! Честное слово!

– Очень глупо с твоей стороны. Придется новую дуру искать, а это энергозатратно, особенно учитывая тот факт, что после развода со мной ты станешь неплатежеспособным.

Испытываю легкий прилив удовольствия, представляя, как папа завернет все строительные проекты мужа.

Похоже, мне удастся содрать защитную пленку с его большой мозоли.

Чертыхнувшись, Боря стремительно поднимается на ноги. Напускная маска заботливого семьянина слетает бесследно, теперь крылья его носа раздуваются, а глаза наливаются злобой.

– Какого черта ты себе позволяешь? – гаркает возмущенно. – Даже в такой момент нормальной бабой не можешь побыть!

Награждает меня взглядом, наполненным ненавистью. Эго его придавила. Если бы чувства были материальны, здесь бы валялся мой труп.

– Проваливай к бабам нормальным! – негромко, но уве-

ренно произношу, вздергивая подбородок. – Думаешь, я не знаю, почему ты пришел? Боишься встречи с отцом. Проваливай! Подарочки твои не помогут. Лучше подай на развод, хоть какая-то от тебя польза будет.

– Арина, не устраивай сцен! Какой развод? Кому ты нужна будешь такая... – муж обводит меня пренебрежительным взглядом. – Неполноценная.

Подбирает слова исключительно из-за инстинкта самосохранения. Отец его уничтожит, если узнает, что Боря здесь появлялся.

– Убирайся, – боль разрывает грудную клетку с каждым вдохом. Нужно держаться. – Видеть тебя не хочу.

– Уверена? Не пожалеешь? Не побежишь за мной? – усмеяется едко. – Ах да, ты ведь бегать не можешь теперь!

Несколько секунд он смеется над своей язвительной шуткой, ровно до того момента, пока стакан с водой, оставленный медсестрой в зоне моего доступа, не прилетает в его наглый глаз.

Сама не ожидаю от себя такой меткости, видимо, сказывается прилив адреналина. Меня почти что трясет.

Вздрагиваю от его завывания.

– Гадина, ты мне выбила глаз! Я из-за тебя ничего не вижу! Припадочная! – рычит, кидаясь в мою сторону. – Ты мне за это ответишь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.